

ВЛАДИМИР АЛПАТОВ

Языкознание

**От Аристотеля
до компьютерной
лингвистики**

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Москва
2018

УДК 81-112
ББК 81г
А51

Главный редактор серии Ивар Максутов
Научный редактор Владимир Плунгян
Редактор Антон Никольский

Алпатов В.

А51 Языкознание: От Аристотеля до компьютерной лингвистики / Владимир Алпатов; — М. : Альпина нон-фикшн, 2018. — 253 с. : ил. — (Серия «Библиотека ПостНауки»).

ISBN 978-5-91671-804-1

Что такое языкознание, или лингвистика? Чем занимается эта наука, какие проблемы перед ней стоят? Эта книга рассказывает об истории лингвистики с древнейших времен до современности и показывает, как наука старается ответить на три главных вопроса, связанных с языком — как он устроен, как изменяется со временем и как функционирует.

Многие даже образованные люди, думают, что лингвисты — это полиглоты, которые просто знают много языков. Это заблуждение вполне понятно — выражение «изучать язык» может быть истолковано по-разному, но не имеет ничего общего с действительностью. Книга Владимира Алпатова рассказывает, чем на самом деле занимаются лингвисты и что их интересует. Зачем они читают старинные рукописи, отправляются в экспедиции в джунгли и пишут компьютерные программы. Как появились лингвистические теории и как они помогают решать практические задачи: преподавать языки, разрабатывать письменности, создавать алгоритмы машинного перевода. Читатели книги — это люди, далекие от лингвистики, но желающие узнать, как и зачем люди изучают свой язык.

УДК 81-112
ББК 81г

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

ISBN 978-5-91671-131-8
(Библиотека ПостНауки)
ISBN 978-5-91671-804-1

© Алпатов В., 2017
© НП «Редакционно-издательский дом «ПостНаука», 2017
© ООО «Альпина нон-фикшн», 2018

Содержание

Введение.....	5
1. Зачем надо изучать языки.....	7
2. Как описывать язык культуры?.....	15
3. Как развивалась лингвистика.....	23
4. Язык — система и язык — деятельность.....	35
5. Как работают лингвисты. Полевая лингвистика.....	47
6. Говорящий и слушающий.....	57
7. Основные вопросы лингвистики и пути их решения.....	67
8. Пример структурного подхода. Фонология.....	75
9. Письмо.....	87
10. Общее и особенное в языках.....	103
11. Что может типология?.....	115
12. Как и почему изменяется язык?.....	125
13. Функции языка.....	147
14. О границах лингвистики.....	153

15. Прагматика и теория речевых актов; речевые жанры.....	159
16. Социолингвистика	167
17. Картины мира.....	179
18. Что происходит в мозгу.....	191
19. От нейролингвистики к устройству языка.....	203
20. Строение мозга и национальные традиции.....	211
21. Прикладная лингвистика. Компьютерная лингвистика.....	225
22. Итоги.....	235
Тезаурус.....	239
Литература.....	247

Введение

В течение многих лет, которые я занимаюсь лингвистикой, мне не раз приходилось сталкиваться с тем, что большинство людей, даже высокообразованных, не представляют, чем занимаются специалисты в этой области. Не говорю уже о том, что сейчас (вероятно, под влиянием английского языка) многие стали приравнивать слово *лингвистика* к «изучению иностранных языков» (в Москве Педагогический институт иностранных языков для солидности назвали Лингвистическим университетом, хотя он продолжает готовить не столько лингвистов, сколько преподавателей языков и переводчиков). Но и те, кто в курсе того, что существует такая наука, нередко не очень понимают ее предназначение. Лингвистика часто кажется наукой, оторванной от практических забот, служащей исключительно для удовлетворения человеческого любопытства, или даже интеллектуальной игрой. Но, вероятно, все науки выросли из тех или иных практических потребностей людей. Да и сейчас лингвистика имеет немало прикладных применений, о которых я буду еще говорить. И даже исследования, прямо не связанные с практикой, могут помочь людям понять, что такое человек, как он связан с окружающим миром и как люди общаются между собой.

Обо всём этом хочется по мере сил рассказать в этой книге. Данное сочинение — не учебное пособие, рассчитанное на школьников и студентов. Моя задача — рассказать о языкознании (или лингвистике) людям, которые ей специально не занимаются; здесь я во многом опирался на курс истории лингвистических

учений, который читаю уже более 20 лет в МГУ и РГГУ. При этом мне приходится не только пересказывать более или менее общепринятые идеи и концепции, но и обсуждать дискуссионные проблемы, где я не могу не высказывать личную точку зрения. Я старался по возможности охватить все наиболее существенные, на мой взгляд, проблемы науки о языке, рассмотреть ее прошлое и настоящее, но, разумеется, трудно сохранять при этом необходимый баланс между теми или иными областями лингвистики. Возможно, и у меня есть «перекосы» в ту или иную сторону. Кроме того, в наибольшей степени я затрагиваю изучение общих проблем науки о языке, объем работы не позволил мне в должной мере осветить развитие частных областей этой науки, изучающих конкретные языки или группы языков.

Для тех, кто хочет более подробно познакомиться с теми или иными затрагиваемыми здесь проблемами, я даю список наиболее существенной литературы на русском языке.

Я выражаю благодарность С. Д. Серебряному, подавшему мне идею написания такой работы, и В. А. Плунгяну, высказавшему ряд полезных критических замечаний.

1

Зачем надо изучать языки

Наука, о которой здесь пойдет речь, имеет три названия: лингвистика, языкознание и языковедение. Все три названия равнозначны, хотя слово «языковедение» сейчас стало несколько устаревшим, и все они обозначают науку, изучающую человеческий язык; такое определение общепризнанно.

Но зачем вообще надо изучать язык, если люди бессознательно овладевают своим языком (реже сразу двумя или тремя языками) в раннем детстве? Как писал замечательный отечественный ученый Евгений Дмитриевич Поливанов (1891–1938), «родной язык выучивается (в основных своих элементах) в том возрасте, для которого не существует декретов и циркуляров». Потом человек

Поливанов Евгений Дмитриевич (1891–1938) — российский лингвист, специалист по многим, преимущественно азиатским языкам. Изучал проблемы, связанные с причинами языковых изменений. Исследовал социальное функционирование языка, разрабатывал принципы языковой политики

может прожить всю жизнь, не замечая свой язык и пользуясь им автоматически. О языке обычно вспоминают лишь тогда, когда процесс общения (коммуникации) оказывается затруднен. Бывает, что слышишь слово и не знаешь, что оно значит. Или, наоборот, хочешь что-то сказать и не знаешь, какие слова употребить. Мне однажды пришлось видеть, как целая группа японских туристов, увидев редких для Японии животных, несколько минут не могла сдвинуться с места, вспоминая, как они называются. Все были в полном замешательстве. И сколько было радости, когда один вспомнил: *яги*. Встречаются и еще более трудные ситуации, когда с собеседником не находится общего языка в самом буквальном смысле. Издавна люди сталкивались с нежелательным для них явлением множества языков, делались попытки объяснения его истоков вроде известного библейского мифа о Вавилонской башне. Но само по себе существование «чужих» языков, пожалуй, нигде не привело к формированию науки о языке. В случае необходимости язык соседей или завоевателей выучивался столь же стихийно, как и материнский язык (хотя обычно не во всех своих деталях, о чём мы еще поговорим). А многие люди, жившие традиционной жизнью, просто не знали о существовании других языков или игнорировали их. Русское слово *немец* или греческое *варвар* (буквально «бормочущий») появились в среде тех, для кого существует только один — «наш» — язык.

Со временем в жизни людей появилось новое явление, требовавшее обратить внимание на язык: возникли разные системы письма. В отличие от устного языка, письменный язык может выучиваться только сознательно. Появились школы и учителя, обучавшие письму (первоначальным значением слова *грамматика* в Древней Греции было «обучение буквам»). А само формирование письменностей уже требовало определенных размышлений над устройством языка. Если письмо иероглифическое, то надо было как-то осмыслять и строение, и значение знаков. Если письмо фонетическое (алфавитное), то оно должно было основываться на тех или иных представлениях о звуках языка. Когда в начале XX в. сформировалась фонология — наука о лингвистической роли звуковых единиц (о ней будет говорить специально), то не раз ученые указывали, что первыми,

еще стихийными фонологами были создатели алфавитов. Однако в то время такие спонтанные представления еще не получили выражения в каких-либо текстах, а обучение чтению и письму считалось скорее ремеслом, чем наукой или искусством. В ряде древних культур, где существовала письменность, не сложились развитые лингвистические традиции (по крайней мере, мы ничего о них не знаем). Так было, например, в Древнем Египте.

Традиции изучения языка сложились прежде всего в связи с появлением особых языков культуры, которым надо было учиться. Языки формировались в разное время и могли иметь разные свойства (например, одни были в первую очередь языками религии, другие имели и светское использование), но между ними было определенное сходство. Прежде всего, они получали ту или иную обработку и норму. Примерами языков культуры могут служить древнегреческий, латинский, санскрит, классический арабский, древнееврейский, церковно-славянский, вэньянь в Китае и сопредельных странах. Эти языки имели вненациональный характер и обслуживали целые культурные ареалы, часто связанные с определенной религией. Лишь иногда в силу особых причин язык культуры обслуживал только один народ; так произошло в обособленной морями Японии, где язык культуры (бунго) не вышел за пределы Японских островов.

Если язык культуры не слишком отличен от разговорного, то обучаться ему можно было и стихийно, через подражание речи «хороших» писателей и ораторов (здесь и дальше, говоря о речи или тексте, я буду иметь в виду и письменную, и устную реализацию языка). В классической Древней Греции философы очень интересно размышляли о природе языка или его происхождении, но эти размышления не породили каких-либо развитых способов работы с конкретным языковым материалом. Иное дело, когда языку культуры надо учиться «с нуля». Важно подчеркнуть, что такое обучение не осознавалось так же, как сейчас в основном осознается обучение иностранным языкам. Латынь для средневекового немца или язык Корана для современного мусульманина независимо от национальности — «свой» язык, только самый «высокий» его вариант. Чтобы эффективно учить такому языку, надо было предварительно его описать. И показательно,

что греческая традиция изучения языка сложилась не в классический период, когда по-гречески говорили и писали в основном греки, а в эпоху эллинизма, когда после походов Александра Македонского (конец IV в. до н. э.) греческий язык (койне) стал языком культуры на обширных территориях. И центром формирования этой традиции стала Александрия в Египте. Также и арабская традиция сложилась в VIII в., вскоре после образования Арабского халифата. Ее центром стали не исконные области жизни арабов, а территория современного Ирака, где арабский язык должно было осваивать население иного происхождения, главным образом ираноязычное. Бывало и так, что свой язык культуры постепенно стал значительно отличаться от разговорного языка. Так произошло в Японии, где к XVII–XVIII вв. собственный язык культуры (бунго), основанный на том, как говорили при императорском дворе в Киото в IX–XII вв., уже настолько разошелся с разговорным языком, что его надо было специально учить и изучать. И лишь в это время появилась самостоятельная японская лингвистическая традиция, по-видимому самая поздняя из существующих.

Особая ситуация сложилась в Китае и других странах китайского культурного ареала (куда первоначально входила и Япония). Изучение взъядя, не имевшего устного функционирования, было неотделимо от изучения письма, основанного на иероглифике. На первом этапе развития китайская традиция (которая сложилась на рубеже новой эры) связывалась исключительно с изучением иероглифов. Позже, однако, в Китае стали изучать и звуки.

Могли быть и другие причины формирования лингвистических традиций. В Древней Индии языку культуры санскриту тоже надо было специально учиться. Но очень важной представлялась и иная задача: правильного построения ритуальных текстов. С высшими существами надо было говорить по определенным правилам, иначе коммуникация не состоится. И самая замечательная грамматика санскрита — грамматика Панини (около IV в. до н. э.) — создавалась для этих целей. В других традициях такие задачи могли не стоять или стоять иначе. Так, в Европе риторика — наука о построении «хороших» текстов (в основном

светских) — была отделена от грамматики, опиралась на ее результаты, но основывалась на иных, менее строгих правилах.

На развитие многих традиций повлияла такая задача, существенная для многих народов, как стихосложение. В разных традициях правила сочинения стихов могли по-разному влиять на изучение фонетики, особенно ударений, а иногда и грамматики. Вот один пример. В Японии существовал поэтический жанр *рэнга*, где один автор начинал предложение, другой заканчивал его и начинал другое предложение, третий (или опять первый) продолжал, и так далее — текст мог быть сколь угодно длинным. Но в бунго существовало правило (не сохранившееся в современном языке), согласно которому главное сказуемое (которым в японском языке всегда заканчивается предложение) должно согласоваться с теми или иными частицами, употребленными перед этим в предложении. Поэтому, чтобы закончить предложение, форму сказуемого надо было согласовать с ранее употребленной другим человеком частицей. И из такого вроде бы искусственного приема в Японии выросло учение о глагольном спряжении.

Еще одна причина — филологическая, текстологическая деятельность. Тексты на языке культуры из-за временной дистанции уже довольно сложно понять точно, их надо толковать. Уже в Александрии толковали Гомера, жившего на несколько веков раньше, но филология становится наиболее важной на более поздних этапах развития традиций, когда накапливается большое количество не вполне понятных текстов. Так было и в Китае, и в Японии, а в Европе такой процесс вышел на первый план начиная с эпохи Возрождения (XV–XVI вв.). В течение нескольких веков языковедение (как и литературоведение) рассматривалось как часть филологии, что до сих пор у нас по традиции сохранилось в номенклатуре ученых степеней и в выделении в университетах единых филологических факультетов.

2

Как описывать язык культуры?

Вернемся на ранние этапы развития лингвистических традиций. С самого начала отметим, что исходная практическая задача определяла подход к языку. Грамматика Панини очень непохожа на сочинения древнегреческих и римских грамматистов, хотя строй санскрита не так уж отличается от строя древнегреческого и латинского языков. Но на особенности традиции мог оказывать влияние и строй соответствующего языка культуры. Японская традиция отделилась от китайской прежде всего потому, что строй японского и китайского языков очень различен.

Если задача состоит в построении правильных текстов, то естественный путь заключается в выработке правил их конструирования из исходных единиц. В грамматике Панини и аналогичных индийских грамматиках имеется набор первичных элементов — корней и аффиксов, который должен быть по возможности исчерпывающим; далее формулируются правила, действующие для тех или иных классов элементов. Эти правила из первичных элементов формируют слова, а из слов — предложения. В результате применения правил получают правильные высказывания. Особо формулируются также фонетические правила. Такой путь исключает обсуждение вопроса о норме: соответствует норме то и только то, что получено в результате применения правил; во многом Панини считается создателем санскритской нормы. Таким образом, индийская традиция пошла по пути синтеза, построения целого из частей, а не по пути анализа. Этот подход моделирует деятельность говорящего человека, который из смысловых «блоков» строит тексты. Еще одна особенность индийской традиции заключалась в том, что в связи с принятыми

там культурными установками она была устной (что довольно трудно себе представить европейцу). Грамматика Панини была сочинена устно и передавалась (а иногда передается до сих пор) через заучивание от учителя к ученику; хотя сейчас, разумеется, существуют и ее издания и даже перевод на английский язык (на русский язык переведена созданная под влиянием Панини грамматика Патанджали). Все иные известные нам традиции были целиком или преимущественно письменными. Устное функционирование индийских грамматик, которые надо было заучивать наизусть, требовало очень большой краткости, компактности и строгости изложения, в этом отношении они и сейчас остаются непревзойденным образцом. Там же, где сочинения о языке писали, они могли быть очень длинными, иногда многотомными.

Если задача состояла в обучении уже существующему языку, обладающему набором текстов, то традиции шли не по пути синтеза, а по пути анализа. Для них набор правильных текстов — не конечный результат, а исходный материал. Задача состоит в другом: разделить тексты на части, приписать этим частям тот или иной смысл и дать их классификацию. То есть моделируется не деятельность говорящего, а деятельность слушающего человека, который извлекает из текстов смысл. Этим путем пошли и в арабском мире, и в Китае, в Японии и в Европе.

Европейская традиция, как говорилось выше, впервые сформировалась в Александрии в III–II вв. до н. э. Первым дошедшим до нас трудом стала грамматика Дионисия Фракийца (II в. до н. э.). Уже в I в. до н. э. эта традиция перешла от греков к римлянам, которые приспособили ее к латинскому языку. Затем традиция параллельно развивалась в течение многих веков в двух вариантах; уже в Средние века от них иногда отпочковывались особые варианты, как это было в православном славянском мире, где описывался церковно-славянский язык.

На основе никогда не прерывавшейся греко-римской традиции постепенно была создана наука о языке, иногда с добавлением каких-то черт других традиций (один пример будет приведен ниже). В XIX–XX вв., когда в этой науке появились строгие методы работы с материалом, всё сделанное в предыдущие столетия стало рассматриваться как нечто «донаучное», в лучшем

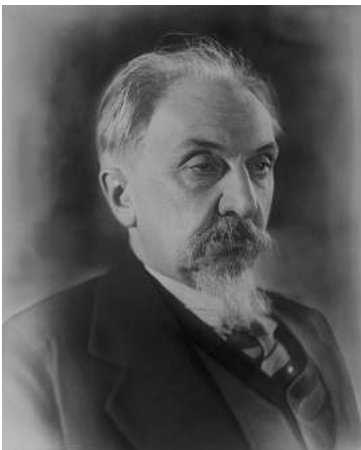
случае как «предыстория» «настоящей науки». Однако такой подход многое упрощает.

Если сравнить лингвистику с другими гуманитарными науками, то бросается в глаза одна ее особенность. В ряде наук в течение веков менялись представления и о самом их предмете, и об их задачах и целях. Но если мы сравним грамматику Дионисия Фракийца и современный школьный учебник русского языка, то обнаружим много общего. Сходна сама задача — научить правильному языку. Сходно понимание языка — как некоторой системы правил, извлекаемой из множества уже существующих, а не конструируемых автором текстов. Сходно выделение основных изучаемых областей языка: фонетика, морфология, синтаксис (они и изучаются в этом порядке); при этом основное внимание там и там уделяется грамматике. Сходны многие основные понятия и термины (русские термины часто представляют собой кальки с древних языков): звук, гласный звук, согласный звук, слово, предложение, часть речи, глагол, наречие, местоимение, падеж, лицо, наклонение, залог и т. д. Некоторые из них появились даже до Александрии; например, первым выделил части речи Аристотель в IV в. до н. э. Лишь синтаксическая терминология современного учебника отсутствовала в александрийский период и появилась намного позже. Но и она разработана еще в XIII–XVI вв. Также в античности еще не было представления о значимых частях слова — корне, суффиксе и т. д. Но и оно появилось в XVI–XVII вв.

Конечно, задачи современной лингвистики гораздо шире и многообразнее задач, стоявших перед александрийскими грамматистами. Ясно, что прикладных задач становится всё больше с развитием культуры и науки. Скажем, до недавнего времени не надо было думать об общении человека и машины. Но появление новых задач не отменяет старые. Существеннее то, что современная наука о языке больше не сводится к решению практических задач вроде обучения языку и поддержания языковой нормы. Лингвистика уже несколько веков развивается в первую очередь как «чистая» наука, независимая от практики (хотя практические задачи не раз стимулировали развитие тех или иных идей и методов, а эти идеи и методы затем помогали практике).

Однако и процесс отделения науки от чисто практических проблем начался достаточно давно. Даже если отвлечься от рассуждений древнегреческих философов, то уже «философские грамматики» схоластов XIII–XIV вв. относились к «чистой» науке.

Перечисленные выше привычные свойства учебника свойственны и многим научным сочинениям нашего времени, хотя не все из них столь общеприняты сейчас, как, скажем, сто лет назад. Аналитический подход к описанию языка, который наш выдающийся ученый, академик Лев Владимирович Щерба (1880–1944), называл пассивной грамматикой, а Игорь Александрович Мельчук в 1960-е гг. — путем от текста к смыслу, сейчас уже не считается единственно возможным. Однако он явно преобладает в описаниях конкретных языков. Почему, понятно: тексты нам даны, а смыслы нам еще надо предварительно выявить. Грамматика оставалась центральным разделом науки о языке до XIX в., потом на первый план стало выходить изучение звуковой стороны языка (сначала историческая фонетика, затем фонология). Сейчас в теоретической науке наблюдается новый перенос центра внимания на грамматику, только уже не на морфологию, как когда-то, а на синтаксис. Однако если обратиться к конкретным описаниям языков, то и в наши дни чаще всего основную часть их объема занимает грамматика, а в России особенно морфология. И в настоящее время «описание языка» и «грамматика языка»

Щерба Лев Владимирович (1880–1944) — российский лингвист, глава Ленинградской школы. Фонетист и фонолог, занимался методикой преподавания иностранных языков, предложил оригинальную концепцию языка и речи

часто выступают как синонимы. Порядок рассмотрения в современных грамматиках и сейчас обычно соответствует античному: фонетика (теперь чаще фонология) — морфология — синтаксис, хотя он уже и не единственно возможный. Традиционное понятие звука сменилось еще в первой половине XX в. понятием фонемы, но, по сути, оно скорее уточняет традиционные представления о звуках, чем предлагает что-либо принципиально новое. Классификация звуков стала более детальной, но противопоставление гласных и согласных остается основополагающим. Попытки обойтись без понятия слова с XX в. иногда встречаются, но всё же не преобладают, особенно в России. Современные концепции частей речи и грамматических категорий значительно ушли вперед по сравнению с античностью, но строятся на базе понятий, выработанных еще тогда. То же относится и к появившейся уже в позднее средневековье концепции членов предложения.

Все эти привычные для нас свойства лингвистики, так или иначе восходящие к античности или средневековью, вовсе не могут считаться универсальными, что показывают иные лингвистические традиции. О синтетическом подходе индийцев (пути от смысла к тексту; активной грамматики, по Щербе) говорилось выше. Китайская традиция до ее европеизации в конце XIX в. не знала грамматики, основным видом описания в ней был словарь (но японская традиция должна была независимо от китайского влияния самостоятельно строить грамматику). Арабская традиция шла не от морфологии к синтаксису, а в обратном направлении. В Китае и Японии до знакомства с европейской наукой не было понятия, соответствующего звуку (фонеме): в Китае основной фонетической единицей был слог, а в Японии — единица, промежуточная между звуком и слогом (примерно то, что у античных авторов называлось морой). В арабской традиции выделялись согласные звуки, но гласные не рассматривались как отдельные сущности. Единица, соответствующая слову, по-видимому, существовала во всех традициях (к этому вопросу я еще вернусь), но свойства этих единиц могли быть различными. Например, в китайской традиции слова совпадали с корнями и соответствующие понятия не различались. Кроме того, в ней

были всего две части речи: «полные слова» и «пустые слова», что примерно соответствует знаменательным и служебным словам, но не выделялись даже имена и глаголы. Отмечу еще одно явление, на котором подробнее остановлюсь дальше: современная англоязычная или франкоязычная лингвистика отошла от идей Дионисия Фракийца больше, чем российское языкознание; по-видимому, это связано с тем, что строй русского языка изменился по сравнению с классическими языками не так значительно.

Оказывается, многие привычные для нас свойства науки о языке обусловлены тем, как описывали язык еще в Александрии и Риме последних веков до новой эры. Во многом они предопределены, помимо свойств античной культуры, особенностями структуры древнегреческого (и близкого к нему по строю латинского) языка. Чем дальше язык по строю от этих языков, тем менее соответствующая традиция походила на европейскую. Дальше всего из языков культуры, ставших основными языками традиций, от древнегреческого и латинского языков отстоял китайский вэньянь, поэтому китайская традиция не похожа на европейскую более всего. Еще более эти две традиции отделяет друг от друга различие между иероглифической и фонетической письменностью. А в Европе существуют разные национальные варианты некогда общей традиции, отражающие тот или иной строй соответствующего языка.

3

Как развивалась лингвистика

Итак, преемственность между очень древними свойствами европейской традиции и свойствами современной (уже ставшей интернациональной) науки о языке несомненна. Вряд ли, скажем, в современной исторической науке столь много сохранилось от Геродота и Фукидида и даже от Карамзина. Разумеется, за два тысячелетия, особенно за два последних столетия, в лингвистике появилось много нового, о чём дальше будет говориться. Но общая линия непрерывного развития прослеживается. Заметим, что и другие традиции могли как-то вносить свой вклад в общее развитие лингвистики. Например, появление лишь в Новое время в Европе понятий корня и аффикса, по-видимому, связано с влиянием арабской и еврейской традиций, где они были давно; в Европе эти понятия впервые фиксируются в древнееврейской грамматике немецкого ученого Рейхлина (1506).

Развитие науки о языке нельзя рассматривать как однолинейный процесс постоянного движения вверх. Широко известный образ спирали как метафоры научного развития очень хорошо подходит к лингвистике. В разные эпохи на первый план выходили то одни, то другие проблемы. Приведу лишь несколько примеров.

Исконно все традиции, включая европейскую, изучали язык как неизменное явление. Обычно считалось, что язык либо дарован человеку высшими силами, либо (как в Библии) создан человеком под руководством тех же высших сил. Такой язык нельзя развивать или совершенствовать, можно лишь забывать или портить. И долго все изменения языка рассматривались как «порча», а наиболее авторитетными считались самые старые памятники. Такой взгляд не менялся до установления в науке о языке идеи

историзма, которое произошло в XVIII в. Весь XIX в. научная лингвистика считалась исторической наукой, а изучение современных языков, разумеется не прекращаясь, считалось скорее практической, чем научной задачей, недостойной университетских профессоров. Эти языки в основном описывали либо педагоги, авторы гимназических учебников и нормативных словарей (если речь шла о языках «культурных народов»), либо миссионеры или чиновники колониальной администрации (если речь шла об «экзотических» языках); исключения были очень редкими.

Но в начале XX в., особенно после появления в 1916 г. знаменитого «Курса общей лингвистики» швейцарского ученого Фердинанда де Соссюра (1857–1913), изданного уже после смерти автора, приоритеты изменились. Системное изучение языков без обращения к истории (синхронное, по терминологии Соссюра), прежде всего в их современном состоянии, стало рассматриваться как основная задача лингвистики, а исторические штудии ушли на второй план. Так было в структурной лингвистике, расцвет которой пришелся на 1920–1960-е гг. Это сохранилось и в пришедшей ей на смену генеративной лингвистике, созданной не менее знаменитым, чем Соссюр, американским ученым

Соссюр Фердинанд де (1857–1913) — швейцарский лингвист. Предложил разработанную теорию языка, расходившуюся с существовавшей в то время традицией и открывавшую новые пути развития науки. Разграничил речь — совокупность актов говорения и восприятия — и язык — лежащую в их основе систему, синхронию — систему языка в данный момент времени — и диахронию — множество изменений в языке. Обосновал необходимость сосредоточения в качестве основной задачи лингвистики на синхронном изучении языка

Хомский Ноам (р. 1928) — американский лингвист, основатель генеративной (порождающей) лингвистики, вытеснившей в США и отчасти в других странах структурную лингвистику. Отказался от идеи автономного изучения языка, определив лингвистику как часть психологии познания. Построил модель освоения языка человеком, исходя из врожденности основных лингвистических механизмов. Внес значительный вклад в теорию синтаксиса

Ноамом Хомским в 1950–1960-е гг. Он посчитал, что «внутри вида*, как представляется, никакой изменчивости нет.... Речь идет о единообразной системе, а значит, со времени ее появления никакой значительной эволюции не было». То есть в языковой истории было лишь одно значительное событие — появление языка, а с тех пор «единообразная система» принципиально не менялась.

В настоящее время в науку возвращается отвергнутая многими столетие назад идея о том, что пониманию современных явлений могут помочь данные исторической лингвистики. Как писал в 1980-е гг. видный российский лингвист, член-корреспондент РАН Александр Евгеньевич Кибрик (1939–2012), «С исторической точки зрения сомнительно наличие в языке немотивированных связей между значением и формой, кажущееся отсутствие мотивации следует объяснять тем, что эта связь стерта, демотивирована, и необходимо найти исходное мотивированное состояние». Вот что еще раньше писал выдающийся лингвист XX в. Роман Якобсон (1896–1982; родом из России, он в 1920–1930-е гг. работал в Чехословакии, с 1940-х гг. в США): «Статичная синхрония — это абстракция, необходимая лингвисту для определенных

* Человеческого. — Прим. авт.

Кибрик Александр Евгеньевич (1939–2012) — российский лингвист. Сформулировал принципы функциональной лингвистики, не ограничивающейся описанием языковой структуры и стремящейся расширить лингвистическую проблематику изучением реальных процессов использования языка людьми. Разрабатывал методы полевой лингвистики, организовал значительное число экспедиций

целей, а согласованное с фактами, исчерпывающее синхронное описание должно последовательно учитывать его динамику».

Другая проблема, к которой в разные эпохи относились по-разному, связана с тем, что именно изучает лингвистика: язык вне его отношения к другим языкам или в сопоставлении с другими; ее иногда называют проблемой языка и языков. Все традиции основывались на изучении одного языка — языка «своей» культуры. Другие языки на ранних этапах развития традиций могли рассматривать даже не как полноценные языки, а как «боротание» варваров — так долго думали в Древней Греции и в Китае, поэтому никакие языки, кроме своего, не изучались. Идея сопоставления языков долго была чужда всем традициям и сформировалась лишь в Европе в эпоху Возрождения в связи со становлением новых национальных языков, постепенно вытеснявших латынь из культурного обихода. С XVI–XVII вв. была поставлена задача разграничения общих свойств языка и особых свойств отдельных языков. Особенно яркое воплощение эта идея получила в так называемой «Грамматике Пор-Рояля» (1660, Франция) Антуана Арно (1612–1694) и Клода Лансло (1616–1695).

Затем весь XIX в. прошел под знаком сопоставительных исследований как в генетическом плане (сравнительно-историческое языкознание), так и независимо от языкового родства (историческая типология). Большую часть XX в. (эпоха структурной

Якобсон Роман Осипович (1896–1982) — лингвист, выпускник Московского университета, работал в России, затем в Чехословакии и США. Внес вклад во многие лингвистические дисциплины. В области фонологии стал одним из создателей теории дифференциальных признаков, которыми могут различаться фонемы. Выдвинул концепцию языковых функций, развивавшую идеи Э. Сепира. Предложил идею о принципе дополнительности в лингвистике, позволяющем создать лингвистику говорящего, преобразующего смысл в текст, и лингвистику слушающего, преобразующего текст в смысл. Один из основателей лингвистической поэтики, исследователь русского авангарда. Много сделал для укрепления контактов между лингвистами разных стран

лингвистики) лингвисты стремились охватить своими методами как можно больше языков, идея же их сопоставления уже не была приоритетной. А основатель нового этапа в развитии лингвистики, уже упоминавшийся Ноам Хомский, ограничил сферу своих исследований и сферу исследований большинства ученых его школы английским языком. Он выдвинул в качестве основной задачи лингвистики построение общей теории языка, удобным материалом для которой, естественно, выступает родной язык лингвиста; лишь после этого могут строиться частные теории, учитывающие особенности отдельных языков. А если исходить, как Хомский, из того, что язык — «единообразная система», то любое сопоставление языков в лучшем случае второстепенно. С другой стороны, во второй половине XX в. на новой основе активизировалось и типологическое сопоставление языков, выявляющее общие и особенные свойства языков вне зависимости от их родства, о котором далее еще будет специально говорить.

Другая проблема, по-разному решавшаяся в разные эпохи, — связь лингвистики с другими науками. В лингвистике можно видеть как периоды сближения с другими науками, разработки пограничных проблем, так и периоды ее обособления от других наук, выработки собственно лингвистических методов. В античный период, особенно до Александрии, а затем снова в Средние века языкознание считалось частью философии, в Европе XVI–XVIII вв. оно не отделялось от филологии — науки о текстах и их толковании. Обособление впервые четко выразилось в первой половине XIX в., когда разрабатывался первый строгий лингвистический метод — сравнительно-исторический, позволявший сопоставлять родственные языки и реконструировать лежащие в их основе праязыки. Филологу, например филологу-классику, изучающему древнегреческий или латинский текст, важны сведения о личности автора и исторических обстоятельствах создания текста, а лингвисту, изучающему тот же текст, это неважно, зато лингвисту, исходившему из сравнительно-исторического метода, нужны параллели с родственными языками (например, греческого или латинского языка с санскритом или старославянским), несущественные для филолога.

Затем, когда к концу XIX в. обнаружился кризис исторического языкознания, стали активно сближать лингвистику с историей, психологией, физиологией, социологией и даже с географией. Но после появления книги Ф. де Соссюра начался длительный период нового, еще более радикального обособления лингвистики от всех наук (исключая лишь математику, сближение с которой науки о языке началось именно в этот период). Считалось, что лингвистика должна основываться исключительно на собственно лингвистических методах. Основатель ведущей американской лингвистической школы того времени, школы дескриптивистов, Леонард Блумфилд (1887–1949) утверждал, что предмет изучения лингвистики — «шум, производимый органами речи». Другой виднейший структуралист, датчанин Луи Ельмслев (1899–1965), писал в 1953 г.: «Лингвистика должна попытаться охватить язык не как конгломерат внеязыковых (т. е. физических, физиологических, психологических, логических, социологических) явлений, но как самодовлеющее целое». Представители разных школ